

**ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА
(Забывтые слова в воспоминаниях Фета
«Ранние годы моей жизни»)**

Любовно и подробно описывая в своих мемуарах пору первоначального детства, Фет не только воспроизводил мельчайшие детали окружавшего его усадебного быта, но и употреблял слова и выражения, ныне вышедшие из обихода. А подчас и вовсе выпавшие из словарей. Выяснить значение этих слов и выражений еще предстоит языковедам. Одно можно сказать наверняка: Фету можно верить. Если по части хронологии он мог иногда ошибиться, в чем сам чистосердечно признавался, то в отношении словарного запаса такие ошибки могут встретиться лишь в виде исключения. Приведем некоторые примеры.

Кто шнырял «на дворню»

Описывая устройство барского дома, жизнь дворовых людей, свое пристрастие слушать сказки, которые рассказывали горничные сидя за прялкой, Фет употребляет известное слово «дворня» в казалось бы непривычном контексте: «По вечерам, когда мамá уходила в спальню рядом с нашей детской, горничные, которым нельзя уже было через запертые сени нижнего этажа шнырять то на кухню за утюгом и кушаньем кормилице, то на дворню, то к приказчице за яблоками, охотно присаживались за гребни возобновить свою болтовню шепотом».¹

Все словари на слово «дворня» дают однозначный ответ: имя существительное, женского рода, собирательное, означающее 1) «крепост-

---

¹ *РГ*. С. 11.

ных крестьян, оторванных от земли и взятых на барский, господский двор»; 2) «домашнюю прислугу в помещичьем доме» (Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой); «при крепостном праве домашнюю прислугу в помещичьем доме» (Толковый словарь Д. Н. Ушакова); «дворовых людей, всю прислугу в барском дворе и доме» (В. И. Даль) и т. д. Лишь в Викисловаре находим второе, историческое, значение этого слова: «помещения в помещичьей усадьбе, где жила такая прислуга», с пометой: «Отсутствует пример употребления». ² И так, в добавление к названной статье можем указать на первую главу воспоминаний Фета «Ранние годы моей жизни», где слово «дворня» употреблено в *историческом* значении.

«...Деревянные кирпичики, колчушки — самые лучшие игрушки»

Эту загадочную фразу произносит в «Ранних годах моей жизни» отец (или тот, кого Фет считал своим отцом) многочисленного семейства Афанасий Неофитович Шеншин:

«Отец не был против игр и даже беготни детей, но неприветливо смотрел на игрушки, даримые посторонними. „Не раздражайте желаний, — говорил он, — их и без того появится много; деревянные кирпичики, колчушки — самые лучшие игрушки“». ³

Что такое «деревянные кирпичики» — еще можно вообразить: это могли быть обрезки струганых досок, которые допустимо было отдать детям для игры. А вот что такое «колчушки» — оказалось не так просто разгадать.

В контексте высказывания очевидно, что имелись в виду какие-то простые игрушки, которые не должны были стоить дорого и не вызывали у ребенка ненужной тяги к роскоши. Поясняя смысл отцовской поговорки, Фет пишет: «Справедливость этого я испытывал сам. Хотя у меня и была картонная лошадь, но в воскресенье и праздничные дни, когда девичьи скамейки были свободны, с гораздо большим наслаждением запрягал их и отправлялся в далекие и трудные путешествия, не двигаясь с места. Благодетельная фантазия сильнее работает при меньшей правдоподобности, а потому и более восторгает». ⁴ И так, *колчушка* — это что-то очень простое, но в то же время удобное для детских игр. Опуская более или менее современные значения, обратим

² См.: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%B4%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%8F> (дата обращения: 24.03.2021).

³ *РГ*. С. 12.

⁴ Там же.

внимание, что слово отсутствует в известных толковых словарях (Даль, Ушаков, Ефремова), однако присутствует в словарях русских народных говоров. Так, в значении «головня, головешка» это слово употребляется в Калужской, Тульской, Курской, Рязанской, Самарской областях. Но такие игрушки детям, разумеется, не подходят. А вот во втором значении: «обрубок дерева», «деревяшка» слово *колчушка* употребляется в тех же областях, а также в Чернском районе, что уж совсем недалеко от Орловской губернии и находящегося в ее пределах Мценского уезда.

В Рязанской и Воронежской областях *колчушкой* называют «кривой, сучковатый обрубок дерева», этим же словом называют пеньки.⁵ Итак, благодаря Фету, в указанный список можно добавить Орловскую область или Мценский район, что подтверждается свидетельством современного исследователя: «Колчушки (другими словами, то, что было расколото на мелкие части, бесформенные кусочки дерева) — общеупотребимое слово в Орловском регионе вообще, во Мценском районе тоже. Отсюда, кстати, слово „колчи“ на дороге».⁶ Трудно сказать, была ли зафиксированная Фетом поговорка изобретением А. Н. Шеншина или имела хождение на Орловщине, но она может быть учтена в статье о *колчушке*.

Что значит «получать на подметки»?

Говоря о том, что семья Шеншиных жила в довольно стесненных обстоятельствах, Фет описал, какие усилия прикладывала его мать, чтобы сводить концы с концами: «Бедная мать напрягала все усилия, чтобы избегать денежных трат, обходясь по возможности домашними произведениями, что при тогдашнем образе жизни ей удавалось почти вполне. За исключением свечей и говядины, да небольшого количества бакалейных товаров, все, начиная с сукна, полотна и столового белья и кончая всевозможной съестной провизией, было или домашним производством, или сбором с крестьян».⁷ При этом он добавляет следующую деталь: «Жалованье прислуге и дворне выдавал сам отец, но в каких это было размерах, можно судить по тому, что горничные, получавшие обувь, белье и домашнюю пестрядь на платья, получали кроме того, как говорилось „на подметки“, в год по полтинному».⁸

---

⁵ См.: <http://forum.lingvolive.com/thread/1137434/> (дата обращения: 24.03.2021).

⁶ Из письма Е. Н. Ашихминой от 21 марта 2020 г. к автору статьи.

⁷ РГ. С. 14.

⁸ Там же. В тексте, очевидно, опечатка: «но в каких это было **в** размерах».

Судя по контексту, слово *подметки* употреблено в переносном смысле, однако в известных нам словарях выражение «на подметки» отсутствует. Само слово *подметка* означает вторую подошву, обычно в половину ступни до каблука или на полную ступню, подшиваемую или прибаваемую снаружи на износившуюся основную подошву обуви для более долгого ношения. Здесь, без сомнения, речь идет о том, что горничные получали по полтинному сверх положенного, что должно свидетельствовать о щедрости хозяина. Учитывая, что полтинным (более распространенные формы: *полтинник*, *полтина*) называли серебряную монету в 50 копеек, остается решить, много или мало получали девушки сверх того, что им полагалось. Не приходится сомневаться, что 50 копеек, разделенных на 365 дней в году, не представляли значительной прибавки к жалованью. Но само по себе выражение, по-видимому, ушло из языка, хотя Фет упоминает о том, что оно было употребительным во времена его детства.

«Золотой на зубок» и платье «на ризки»

По-видимому, в детские годы Фет был очень наблюдательным ребенком и чутко ощущал недостаток средств в семье. Особенно он жалел мать, которая, страдая от нехватки денег, вынуждена была уделять много времени домашнему хозяйству и не имела возможности одеваться соответственно положению в мценском обществе. Описывая шелковые наряды соседок, навещавших мать по торжественным случаям, Фет делает следующее замечание: «У матери нашей, вероятно, не было бы ни одного шелкового платья, если бы дядя Петр Неофитович не был нашим общим восприемником и не считал долгом класть куме золотой на зубок и дарить шелковое платье на ризки».⁹

Родной брат А. Н. Шеншина Петр Неофитович (1780–1844), упомянутый Фетом, был действительно крестным отцом (или восприемником) и будущего поэта, и его матери, принявшей в 1822 году православие. Участник войн с Наполеоном, он в 1809 году вышел в отставку в чине капитана и проживал холостяком в собственном имении Ядрино, прикупив потом дом во Мценске. Очевидно, он сочувствовал положению, в котором оказались брат и его жена, а маленького Фета выделял среди остальных племянников и предполагал сделать своим наследником, однако не успел вовремя составить завещание. В своих мемуарах Фет вспоминал о нем с благодарностью. Но каким образом он помогал семье брата? Упомянутое выражение *класть на зубок* связано с обычаем одаривать роженицу по случаю первого зубка младен-

⁹ РГ. С. 14.

ца. *Золотым* называли пяти- или десятирублевую золотую монету. Это была существенная сумма в помощь хозяйству. *Ризками* называли ткань, в которую при обряде крещения заворачивали младенца после купели, этим словом обозначали и крестильные принадлежности: крестильную рубашечку, чепчик и т. д., но такие подарки обычно делала крестная мать (кума). А крестный отец (кум) дарил матери крестик или деньги на крестик (ср. у Даля: «Кум дарит крест, кума ризки»). Однако допускалось, что кум может выбрать подарок по своему усмотрению. Вот Петр Неофитович и старался помочь как мог своей родне.

«Палки и оники»

Из воспоминаний Фета о детских годах мы узнаем, что благодаря матери-немке и няне Елизавете Николаевне, тоже немке, он сначала выучился читать по-немецки, а затем уже по-русски. Очевидно, в его случае мы имеем дело с двуязычием. Вот как он писал об этом в «Ранных годах моей жизни»: «Положим, сама мать при помощи Елизаветы Николаевны выучила меня по складам читать по-немецки; но мама, сама понемногу выучившаяся говорить и писать по-русски, хотя в правописании и твердости почерка впоследствии и превосходила большинство своих соседок, тем не менее не доверяла себе в деле обучения русской грамоте». ¹⁰ Первым учителем русской грамоты для будущего поэта стал повар Афанасий. «Вероятно, привыкнув к механизму сочетания немецких букв, — вспоминал Фет, — я не затруднялся и над русскими: аз, буки, веди; и вскорости, двигая деревянную рогулькою по стрелкам, не без труда пропускал сквозь зубы: взбры, вздры и т. п.» ¹¹

Из этого описания видно, что Фет учился грамоте по так называемой буквослагательной методике, утратившей свои позиции к середине XIX века. Согласно ей, после выучивания всех букв алфавита начиналось заучивание слогов — от простых двухбуквенных (*ба, бе, би*) к сложным пятибуквенным (*взбры, вздры*). Однако метода эта была трудна для усвоения в особенности потому, что буквы старославянской азбуки имели смысловое значение и назывались не по звучанию, как это было принято позже, а по словам. Так, первые три буквы: *аз буки веди* означают: я знаю буквы. Схожие воспоминания есть у А. М. Достоевского: «Первоначальным обучением всех нас так называемой грамоте, то есть азбуке, занималась наша маменька. Азбуку

---

¹⁰ Там же. С. 15.

¹¹ Там же. С. 16.

РОССИЙСКАЯ АЗБУКА.

Въ Россійскомъ языкѣ употребляется
шридцать пять буквъ, кои суть :

Прописныя буквы.

А Б В Г Д Е
азб. буки вѣди глаголь добро. есть.

Ж З И І К Л
живеше. земля. иже. і. како. люди.

М Н О П Р С
мыслеше. нашъ. онъ. покой. рцы. слово.

Т У Ф Х Ц Ч
тверсто. у. феришъ. херъ. цы. червь.

Ш Щ Ъ Ы Ь Ъ Э
ша. ща. еръ. еры. еръ. яшь. э.

Ю Я Ѳ Ѵ.
ю. я. ѳиша. ѵжица.

А

Российская азбука. Страница из книги П. А. Вавилова
«Драгоценный подарок детям, или Новая и полная энциклопедическая
русская азбука...» (М., 1818)

(7)

Брю врю грю дрю жрю зрю крю
лрю мрю нрю прю ррю срю прю
фрю хрю црю чрю шрю щрю.

Бря вря гря дря жря зря кря
лря мря нря пря рря сря пря
фря хря цря чря шря щря.

С К Л А Д Ы

изъ четырехъ буквъ составленные.

Вбра	взды	взру	впро	вспу	сгла
Вбры	вздѣ	взры	впры	вспя	сгло
Вгре	взма	взрѣ	впря	вско	сгне
Вгру	взле	вкла	вска	збра	сгни
Вдви	взли	вкле	вски	збри	сгно
Вдро	взло	вкли	вско	збро	сгра
Вдру	взлы	вкля	вску	збру	сгро
Взба	взлѣ	вкра	вслу	згла	сгру
Взби	взля	вкро	всма	здра	сгры
Взбѣ	взма	вкру	вспа	мгла	сдва
Взга	взме	вкрѣ	вспо	мгли	сдвн
Взго	взмо	впла	вспу	мгно	сдво
Взде	взно	впле	вспы	мзда	скеа

А 4

Четырехбуквенные склады. Страница из книги П. А. Вавилова «Драгоценный подарок детям, или Новая и полная энциклопедическая российская азбука...» (М., 1818)

учили не по-нынешнему, выговаривая буквы *а, б, в, г* и т. д., а выговаривали по-старинному, то есть: *аз, буки, веди, глаголь* и т. д. <...>. После букв следовали склады двойные, тройные, четверные и чуть ли не пятерные, вроде: *бвгра, вздра* и т. п., которые часто и выговаривать было трудно. Когда премудрость эта уже постигалась, тогда приступали к постепенному чтению». ¹² Разумеется, подобный способ заучивания слогов нередко приводил к тому, что ученики так и не научались бегло читать, а тем более писать. Недаром такой способ обучения Фет назвал в своих мемуарах «детоубийственным». ¹³

Можно предположить, что первым учебным пособием, по которому учился Фет, был изданный в Петербурге в 1816 году учебник П. Н. Шаропова, носивший витиеватое заглавие: «Драгоценный детям подарок, или Новейшая российская азбука с XXXII искусно выгравированными и раскрашенными картинками, изображающими взятые из натуральной истории, разные замечательные для детей предметы, по которым они весьма легким и приятным способом могут научиться чтению. С приобщением молитв, священной истории, басен и повестей, а также понятия о грамматике, арифметике и описания фигур». ¹⁴ Как отмечают современные исследователи, в Западной Европе «отказ от буквослагательного метода начался уже в середине XVII века, к началу XIX он практически вышел из употребления, а в 1872 году был официально запрещен в Пруссии». ¹⁵

В тех же мемуарах Фет признавался: «До сих пор не могу себе объяснить, почему мне так трудно давался механизм чтения. В то время

¹² Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 79. Столь же памятными оказались пятибуквенные слоги и для Н. А. Добролюбова, отметившего в «Современном обозрении. О народном воспитании, по поводу статьи г. Аппельрота. Воспоминания г. Кошелева о путешествии по славянским австрийским землям» (1858), посвященном злободневному в то время вопросу о народной грамотности: «...школьное учение книжников все одно и то же у нас со времен училищ, основанных Ярославом. Иноземцы, являющиеся к нам из Западной Европы, вовсе не виноваты в том, что у нас буквы называются *аз, буки, веди*, что мальчишек заставляют выдалбливать наизусть их названия, потом таким же манером выдалбливать склады — *веди, земля, добро, рцы, еры — вздры*» (Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 2. С. 206).

¹³ *РГ*. С. 32.

¹⁴ Имелись и другие издания, среди которых, например, «Драгоценный подарок детям, или Новая и полная энциклопедическая российская азбука, содержащая в себе все нужные и полезные познания для детей и других некоторого возраста и звания людей» П. А. Вавилова (М., 1816, 1818) и т. п.

¹⁵ *Старцева Н. М.* Буквослагательный, слоговой и звуковой аналитический методы обучения чтению и письму в российских азбуках и букварях XIX века // Историко-педагогический журнал. 2017. № 3. С. 113, примеч. 2.

мне было лет девять от роду, но, обучаясь впоследствии разным наукам, я продолжал читать весьма неудовлетворительно. Вообще трудно себе представить приемы обучения более отталкивающие, чем те, которым подвергали мою далеко не блестящую память. Наемные учителя были равнодушны к моим успехам, и сама мать, напрягавшая все силы для моего развития, не умела за это взяться».¹⁶

И все же к шести годам Фет по-русски уже читал «по верхам», то есть полными словами, хотя и признавал, что по-немецки знал лучше: «В ту пору я мог быть по седьмому году от роду, и хотя давно уже читал по верхам: аз-араб, буки-беседка, веда-ведро, тем не менее немецкая моя грамотность далеко опередила русскую <...>».¹⁷ В то же время писать ребенок еще не умел и вот по какой причине: «Писать я тогда не умел, так как отец весьма серьезно смотрел на искусство чистописания и требовал, чтобы к нему прибегали хотя и поздно, но по всем правилам под руководством мастера выписывать палки и оники».¹⁸

Если с «ониками» все ясно (так в старину уменьшительно называли букву «о»), то что такое «палки»? По-видимому, то же, что и «палочки», то есть письменные значки в виде вертикальной или косой линии; выписывание этих значков применялось при обучении чистописанию. Фет не рассказал, как он учился чистописанию, но детские воспоминания о мучениях, связанных с прописями, остались на всю жизнь и отразились в автобиографической повести «Дядюшка и двоюродный братец» (1855). Одно можно сказать твердо: почерк его — один из труднейших для прочтения. Выходит, не очень прилежно поэт занимался чистописанием в детстве.

Головашки высокие и низкие

«Так как отец большею частию спал на кушетке в своем рабочем кабинете или был в разъездах по имениям, — пишет Фет в «Ранних годах моей жизни», — то я знал, что мамá не только одна в спальне на своей широкой постели, но что за высокими головашками последней под образами постоянно горит ночник».¹⁹ Так описывает Фет свои ночные визиты к матери, когда ему хотелось поделиться с нею сделанными только что переводами с немецкого.

Простая логика подсказывает, что *головашками* Фет называет нечто, служившее спинкой в изголовье кровати. По-видимому, потому

---

¹⁶ РГ. С. 22.

¹⁷ Там же. С. 16.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 17.

они и были высокими, в отличие от тех, что были в ногах, где спинка обычно ниже. Однако известные словари вовсе не дают этого слова. Лишь в словаре русских народных говоров отмечено, что в ряде областей, в том числе Орловской, выражение *в головашках* употребляется в значении «в изголовье». Единственным источником становится, как обычно, «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, правда, здесь слово дается в несколько ином звучании: «**Головяшки** ж. мн. передок в санях, заголовки, гнутая часть полоза. || Изголовье, головище, гловы» и приводится два примера: «Головяшка треснула» и «Положи одежду у меня в головашках». Интересно, что в воспоминаниях Фета слово встречается в обоих значениях и, что характерно, не единожды.

Так, пересказывая одно из семейных преданий о деде Неофите Петровиче, Фет снова употребляет слово «головашки», но уже по отношению к зимним саням: «...однажды, когда дедушка, по привычке лежа в зимней кибитке на пуховиках и под медвежьими одеялами раздетый, проснувшись, громко крикнул: „Малый!“ — в то время как кучер и слуга для облегчения лошадей и чтобы самим размяться на морозе, шли в гору за кибиткой; как лошади испугались этого внезапного крика, и вся тройка подхватила, даром что дело было в гору. К счастью, вожжи лежали на головашках, и дедушка, поднявшись в одной сорочке, остановил лошадей, успевших проскакать с четверть версты».²⁰

В том же значении употреблено слово «головашки» в главе V при описании гуляний на Масленой неделе: «...ловкие столяры взвозили на гору новосельской усадьбы не салазки, а большие сани и, насажав на них десятки разряженных баб, неслись несколько сот сажен с возрастающей быстротой, мы неизменно были на головашках в числе хохочущих седоков».²¹

«Усердные люди» и «оброчники»

Казалось бы, ничего странного в употреблении эпитета «усердный» по отношению к определенному роду людей нет. Хорошо известно, что усердным называют того, кто проявляет «старанье к делу, рвение, ревность; доброжелательство и заботливость, добросовестное исполнение, сильное прилежанье» (Даль). Усердный ученик или служитель, по Далю, это «рачительный, старательный, ретивый, прилежный, заботливый, берущийся за дело всем сердцем». Встречаются среди однокоренных слов и отрицательные коннотации. Так, *усердни-*

²⁰ РГ. С. 20—21.

²¹ Там же. С. 50.

чатъ — означает «быть усердным некстати, не у места, напоказ, выскочкой». Однако в «Ранних годах...» встречается необычное употребление слова «усердный», не зафиксированное в известных словарях.

Описывая пасхальные дни в родовом имении Новоселки, Фет вспоминал: «Усердные люди (оброчники), все без шапок, приносили образа, в видах неприкосновенности святыни, на полотенцах».²² Если бы не пояснение в скобках («оброчники»), можно было бы и не обратить внимания на эпитет «усердные». Разумеется, носить иконы, да еще и на полотенцах, было непростым делом, оно требовало тщательности, аккуратности и усердия. А вот слово «оброчник» в данном контексте заставляет задуматься. Ведь общеизвестное значение («крестьянин, выплачивающий оброк помещику») при таком словоупотреблении выглядит явно неуместным. Но среди значений слова у Даля находим то, несомненно, имеет отношение к нашему случаю: «Обрекший себя на что, обещаник; напр. *оброчники* носят иконы на крестных ходах». Таким образом, мы можем определить и не учтенное в словарях значение словосочетания «усердные люди».

Только ли у Фета встречаем мы употребление словосочетания *усердные люди* в этом значении? Оказывается, нет. Так, В. В. Стасов, представляя в одной из своих статей картину известного немецкого художника А. Менцеля «Церковная процессия в Гастейне» (1880), писал: «Медленно двигается его „Церковная процессия“, усердные люди несут хоругви, стараясь поскорей протиснуть их сквозь низенькую дверь церкви, священник с официальным почтением несет св. дары, молоденькие церковные прислужники в белых кружевных шемизетках рассеянно хлопочут со своим делом около него, благочестивые крестьяне с потухшими от работы глазами плетутся потихоньку за процессией <...>».²³

Объяснение смысла употребленных Фетом слов тем более важно, что в его поэтическом наследии есть стихотворение, в котором слово «оброчник» является ключевым. Оно так и называется «Оброчник»:

Хоругвь священную подъяв своей десной,
Иду, и тронулась за мной толпа живая,
И потянулись все по просеке лесной,
И я блажен и горд, святыню воспевая.

Пою, и помыслам неведом детский страх,
Пусть на пенья мне ответят воем звери,

²² Там же. С. 36.

²³ Стасов В. В. Избр. соч.: В 6 ч. М., 2017. Ч. 6: Живопись, скульптура, музыка. С. 255.

С святыней над челом и песней на устах,
С трудом, но я дойду до вожделенной двери.²⁴

Стихотворение это открывает последний прижизненный сборник поэта «Вечерние огни» (1891) и имеет точную дату и место написания: «17 сентября 1889. Москва». Оно было сразу воспринято как программное, «выражающее настроение и смысл его поэтического служения» (В. П. Буренин).²⁵ Современная исследовательница справедливо отмечает как непривычный для лирики Фета аллегорический строй стихотворения, так и вполне конкретные события, которых поэт не раз был свидетелем и участником. «Сюжетная канва фетовского стихотворения воссоздает крестный ход; лирический герой поднимает и несет „хоругвь священную“ <...> Фет был свидетелем крестного хода в Коренной пустыни, о чем поведал в книге „Мои воспоминания“». ²⁶ Следует, может быть, добавить к сказанному, что в «Ранних годах моей жизни», над которыми в это время работал Фет («Мои воспоминания» к концу 1889 года находились уже в печати), поэт не только передает свои впечатления от носящих иконы «усердных людей» в праздник Пасхи, но и произносит слово «оброчник», запомнившееся ему с детства. Но наиболее глубокое прочтение этого стихотворения Фета принадлежит, пожалуй, великому Сергею Рахманинову, положившему его на музыку (ор. 34) в 1912 году.

«Разóренные» или «разорённые»

Когда мы, публикуя тексты XIX века, пишем в преамбулах, что они печатаются по нормам современного русского языка, с сохранением некоторых индивидуальных особенностей, то это вовсе не означает,

²⁴ Фет. ССЦП. Т. 5. Кн. 2. С. 8.

²⁵ Новое время. 1890. 7 декабря. № 5308. С. 2. Насколько превратно можно истолковать образный строй стихотворения, см.: *Пильд Леа*. Table-Talk Полонского и юбилей Фета // Статьи на случай: Сборник в честь 50-летия Р. Г. Лейбова: https://ruthenia.ru/leibov_50/Pild.pdf (дата обращения: 24.03.2021), где даже безусловно положительные оценки лирики Фета, например Я. П. Полонским, служат «доказательством» «слабости» и безмерного тщеславия Фета. Не вызывает удивления и совершенно абсурдное толкование стихотворения как своего рода «благодарности» Александру III за полученное поэтом в 1889 г. звание камергера по случаю 50-летия его литературной деятельности. Убедительную критику этой статьи см.: *Черемисинова Л. И.* Религиозные образы в стихотворении А. А. Фета «Оброчник» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 80–84.

²⁶ Там же. С. 82–83.

что перед текстологами не встают вопросы, которые далеко не всегда поддаются простым решениям. Сказанное касается не только устаревшего написания тех или иных слов (например, наречий, которые по современным нормам пишутся слитно, а раньше писались раздельно: *к стати, в скорости, в пору, в конце* и т. д.), но и знаков препинания, прежнее употребление которых существенно отличалось от современного. Это общее правило, выработанное академической наукой, правда, стало в последнее время оспариваться новыми поколениями текстологов, которым подчас кажется, что они, воспроизводя устаревшее написание или пунктуацию (не говоря уже о воспроизведении ушедших из языка *ятей, еров* и т. д.), приближают читателя к аутентичному пониманию текста.

На самом деле подобные эксперименты приводят скорее к противоположному результату: современный читатель либо думает, что перед ним опечатка, либо начинает вкладывать в прочитанное какой-то новый смысл, изначально отсутствующий в тексте, либо, что совсем худо, начинает сомневаться, а хорошо ли он учился в школе и выучил то или иное правило.

Однако и при упорядоченных правилах публикации встречаются случаи, требующие особого внимания. Так, например, в современном русском языке вводное слово «видимо» в значении «кажется, возможно, должно быть» выделяется запятыми, а в устаревшем наречном значении — «заметно, явно» — не выделяется. И далеко не всегда ясно, в каком значении употреблено слово. Приведем пример. В «Ранних годах моей жизни» Фет дает портрет матери и пишет: «Стройная, небольшого роста, темно-русая, с карими глазами и правильным носиком, мать **видимо** старалась угодить отцу. Но никогда я не видал ни малейшей к ней ласки со стороны отца».²⁷ В данном случае следующее предложение помогает уяснить смысл первого, поскольку построено на противопоставлении, но если бы за первым предложением произошла смена темы, то текстолог оказался бы в сложном положении. Поставим мысленно выделенное слово в запятые и тотчас увидим, что смысл поменялся едва ли не на противоположный.

Приведем еще один пример, не столь трудный, однако примечательный тем, что речь идет о слове, вышедшем из употребления в современном русском языке. Рассказывая об одной из проделок Петра Яковлевича Борисова, гораздо на жестокие шутки, Фет воспроизводит его речь перед попавшимся на его уловку дьячком: «Украли кобылу, так мои Разоренные тебя духом сомчат» и поясняет: «Разоренными

---

²⁷ РГ. С. 4. Выделено мною. — Н. Г.

Петр Яковлевич называл шестерик бурых лошадей, на тройке которых он всюду скакал по соседям». ²⁸

Первое, что приходит в голову при виде столь странного прозвища лошадей, — что мы имеем дело с опечаткой, поскольку прилагательное «разоренные» пишется с двумя «н». Однако слово повторяется в том же написании еще дважды. Следовательно, речь идет не об опечатке, а о каком-то другом значении. Современные словари ответа на вопрос не дают, и вновь выручает словарь Даля. В статье «Разорять, разорить» словарь указывает на слово «разóр» именно с таким ударением. И далее: «разóровать, разорничать» — «бушевать, буяннить, озоровать, озорить, бить, ломать, губить и портить от злобы; промышленять грабежом». Итак, *Разóренными* хозяин называл своих лошадей, по видимому, за буйный нрав, которым отличался и сам. Чтобы у читателя не возникало сомнения в правильности написания этого слова, вносим в текст в качестве конъектуры ударение и отмечаем в комментариях значение слова.

«Копёр», или нечто о парикмахерском искусстве дядюшки Ивана Неофитовича

Надо признать, что на страницах мемуаров Фета о ранних годах его жизни находится немало выразительных портретов людей, с которыми ему довелось встретиться на жизненном пути. Причем это не обязательно родные и близкие, которым, естественно, уделяется особое внимание. Нередко двумя-тремя характерными штрихами поэт воссоздает образы представителей самых разных сословий. Чего стоит, например, трогательный образ горничной Аннушки, воспроизведенный не только в «Ранних годах моей жизни», но и в повести «Дядюшка и двоюродный братец» (1855). Образ изящной, ловкой, обаятельной девушки навсегда врезался в память впечатлительного мальчика, едва начавшего постигать окружающий мир и вникать в сложные жизненные коллизии. «Это была прелестная, стройная блондинка с светло-серыми глазами, и хотя и она прошла через затрапезное платье, но мать наша всегда находила возможность подарить ей свое ситцевое или холстинковое и какую-нибудь ленту на пояс. Из этого Аннушка при своем мастерстве и врожденной грации умела в праздник быть изящно нарядной. Припоминая ее образ, я в настоящее время не сумел бы вернее воспроизвести его, чем словами Пушкина:

²⁸ РГ. С. 26.

Коса змеей на гребне роговом,
Из-за ушей змеями кудри русы,
Косыночка крест-накрест иль узлом,
На тонкой шее восковые бусы...

Никто не мог выпрясть более тонких талек (мотков) на полотно, не уступающее батисту. Вышитые Аннушкой в пальцах воротнички приводили в восхищение соседних барынь. / Случалось, что мамá перед приездом гостей заставляла свою горничную в спальне переменить мне чулки; и когда, бывало, Аннушка, завязавши подвязку бантом спереди, ловко прищепнет рукою по этому банту, мне казалось, что она присадила туда астру: так хороши выходили у нее банты. Надо было видеть Аннушку разряженною на Святой неделе. Однажды, видя, как я неловко царапаю перочинным ножом красное яйцо, чтобы сделать его похожим на некоторые писанные, Аннушка взяла из рук моих яйцо со словами: „Позвольте, я его распишу“. Усевшись у окна, она стала скрести ножичком яйцо, от времени до времени, вероятно для ясности рисунка, слизывая соскобленное. Желая видеть возникавшие под ножичком рисунки и цветы, я до того близко наклонялся к ней, что меня обдавало тончайшим и сладостным ароматом ее дыхания. К этому упоению не примешивалось никакого плотского чувства, так как в то время я еще твердо верил, что проживающая у нас по временам акушерка приносит мне братцев и сестриц из колодца. Если бы меня теперь спросили, чем благоухало дыхание Аннушки, я бы не затруднился ответить прелестной эпиграммой Марциала — кн. III, 65 <...>.²⁹ При этом Фет цитирует в собственном переводе текст эпиграммы «Мальчику Диадумену», из которой приведем лишь первые два стиха:

Чем от нежной кусающей яблоко девушки дышит,
Чем ветерок, набежав на корицийский шафран...

Но далеко не всегда воспоминания воссоздают поэтические страницы жизни будущего поэта, благодарная память которого бережно хранила мельчайшие детали облика ушедших навсегда людей. Нередко под его пером возникают образы комические или вовсе неприглядные. А подчас мемуарист будто не знает, как относиться к тому или иному персонажу. Так, посвятив пару страниц младшему брату отца, Фет пишет: «О дяде Петре Неофитовиче я уже говорил, но необходимо вспомнить и дядю Ивана Неофитовича, личность которого могла бы в руках искусного психолога явиться драгоценным образцом».³⁰

---

²⁹ Там же. С. 18–19.

³⁰ Там же. С. 39.

Причуды Ивана Неофитыча состояли не только в том, что он до старости читал «Journal des Débats», с зеленым зонтиком (козырьком) на глазах, не в том, что он был одним из лучших танцоров на балах Московского Благородного собрания, и даже не в том, что он имел привычку немедленно засыпать, как только оказывался в гостях и усаживался на диван. Странной была его привычка требовать тетрадку белой бумаги, разрывать ее на осьмушки и на этих осьмушках писать буквами «необыкновенной величины» бесконечные приказы старосте.

Самым загадочным в облике дяди Ивана Неофитовича была для маленького Фета татуировка на левой руке, наведенная пороховой смесью и представлявшая собой имя «Варвара». Имея привычку пачкать руки в чернилах, выписывая бесконечные приказы старосте, дядя по нескольку раз мыл руки с мылом, для чего требовал таз с рукомыльником. Тут-то и обнажалась на его руке таинственная надпись. Мальчик так и не решился спросить об этом ни у дяди, ни у кого другого. Однако позднее узнал, что имя Варвара принадлежало одной даме, дочери которой было дано «полуимя Шеншиной: Шинская». Судя по тому, что этой Шинской дядюшка помогал до ее замужества, девочка была его незаконнорожденной дочерью. Но нас заинтересовала еще одна из привычек уже немолодого щеголя.

«Входя в дом, — вспоминает Фет, — он непременно останавливался у первого зеркала и, доставая гребенку из кармана, расчесывал свои жидкие бакенбарды и копром подымал с затылка волосы». ³¹ По контексту можно понять, что дядюшка подымал вверх волосы с затылка, очевидно, для придания своей прическе большей пышности или для того, чтобы скрыть проплешины на макушке. Однако хотелось бы знать точнее, что скрывается за редким словом. В современных словарях слово «копёр» идет со значением: «устройство для вбивания свай в твердый грунт или на большую глубину» или «сооружение над шахтой для установления подъемника». Даже почти безотказно выручающий словарь Даля прежде всего дает: «козлы, для бойки свай», поясняя принцип работы механизма. Однако в примечании со ссылкой «твр», то есть тверской говор, читаем: «копна, куча, ворох». По-видимому, с этим значением слово проникло и в орловский говор.

Стоит упомянуть, что не один Иван Неофитович носил подобную прическу. Рассказывая в главе VI о встрече в доме Зыбиных со знаменитым мценским силачом Василием Семеновичем Протасовым, Фет отметил, что «седые подстриженные волосы торчали копром на его громадной голове». ³²

³¹ РГ. С. 39.

³² Там же. С. 62.

Из чего была сплетена бастовая шляпка новой тетушки Фета

Перечисляя оригинальные привычки своего дядюшки Ивана Неофитовича Шеншина, Фет не забыл описать и знакомство с его молодой женой Варварой Ивановной. Имея двух тетушек — сестер отца — Анну Неофитовну Семенкович и Любовь Неофитовну Шеншину, мемуарист поведал, почему он так не любил общаться с ними и неохотно пошел на встречу с новой тетенькой: «Боявшийся старых тетенок Любви и Анны Неофитовен, постоянно мучивших меня экзаменными вопросами, я неохотно шел и к новой тетеньке». ³³ Но эта встреча скорее обрадовала, чем огорчила его. «Новая тетенька» оказалась молодой, привлекательной и тоже не без странностей: она расцеловала племянника и тут же нарекла его Альфонсом, причем до конца жизни называла его только этим именем. Запомнились маленькому Фету ее «свежий цвет лица под белою бастовою шляпкой» и «сильный и сладкий запах духов». ³⁴ Что же это за бастовая шляпка была на Варваре Ивановне Шеншиной?

Слово «баст» давно ушло из лексикона современного русского языка, напрасно мы будем его искать даже в большом академическом словаре. Однако тем, кто занимается литературой прошлых веков, оно может понадобиться, как понадобилось комментаторам мемуаров Фета. Вот какое определение этого слова дает В. И. Даль: «заморское лыко с разных дерев; лычные изделия (шляпки, ленты, украшения, плетенки), заменяет солому, а самое лыко в изделиях этих иногда заменяется кореньями и древесными стружками». Правда, представить себе лыко мы можем легко — мало кто не видел плетенные из лыка лапти или туеса. Но представить себе изящную женскую шляпку из этого материала трудновато. Выходит, это лыко было каким-то другим. Встает сразу вопрос: а что такое лыко? «Лыко», отвечают нам словари, это луб молодой липы или других лиственных деревьев. И снова вопрос: что же такое луб? Луб — это подкорье, исподняя кора дерева, обладающая особой прочностью и гибкостью при обработке. Вот почему луб зрелых лип шел на кровли, а молодых на лыко. Но при чем здесь шляпки? Дело в том, что лубом называли волокна не только молодой липы, но и льна, конопля и крапивы, вот из них можно было не только сплести циновку, но и выделывать довольно тонкую и прочную пряжу. Недаром Даль говорит «заморское лыко с разных дерев». Само слово «баст» происходит от немецкого *Bast* и указывает на то, что именно за границей впервые научились из луба определенных видов

---

³³ Там же. С. 40.

³⁴ Там же.

деревьев выделявать материал для дамских шляпок. И не только шляпок — лент, различных украшений, плетенок. Так что не простая белая шляпка была надета на голове новой тетеньки Фета, была она, видно, красива, как и сама тетенька Варвара Ивановна, иначе бы не запомнилась мальчику.

«Заячьи почки... лежат в поле»

Будучи заядлым охотником, как и многие его современники (Тургенев, Толстой, Некрасов, Борисов и др.), Фет в воспоминаниях нередко описывает охотничьи экскурсии, употребляя специфические термины, мало говорящие современному читателю. Между тем этот слой лексики безусловно принадлежит к определенной культуре, ныне почти утраченной и сохранившейся лишь в узком кругу охотников. Им, конечно, не надо объяснять разницу между зайцем-русаком и зайцем-беляком, растолковывать, что такое ястребиная охота, почему перепел вакает, а перепелка трюкает и т. д. и т. д. А вот для обычного читателя все это представляет определенные трудности, ему придется порыться в словарях, если комментатор не предоставит ему более или менее внятного объяснения.

Есть в главе VIII «Ранних годов моей жизни» одно место, которое кажется на первый взгляд довольно странным. В день именин матери Фета в Новоселках ожидали приезда любимого дяди Петра Неофитовича. Наконец он появился «в новой коляске на четверке бурых с форейтором». ³⁵ Однако речь его, обращенная к брату, оказалась загадочной: «Кстати я привез заячьи почки <...> прикажи их достать из коляски, а другие лежат в поле. Я подозрел русака недалеко от дороги, как раз против зыбинского лесного оврага. Пошли за ним Павлушку с ружьем». ³⁶ Если слово *подозрил* (от *подозреть*, то есть увидеть, заметить зверя на лежке, там, где он лежит, скрывается) можно отыскать в словарях, а зыбинский овраг означал, что речь шла об имении добрых соседей Зыбиных, то заячьи почки, лежащие в коляске, привезенные *кстати*, да еще и какие-то другие, которые остались в поле, любого читателя могут поставить в тупик. Не только читатель удивится подобному обороту, даже сведущий в охоте Афанасий Неофитович Шеншин поначалу не понял брата. И тут нам на помощь приходит рассказ Фета «Первый заяц» (1871), в котором почти буквально была воссоздана история первой охотничьей удачи подростка Фета, вошед-

³⁵ РГ. С. 74.

³⁶ Там же.

шая впоследствии в мемуарное повествование «Ранних годов моей жизни». Здесь Петр Неофитович, поздравив именинницу, говорит брату: «И тебя, брат, поздравляю. Одни заячьи почки привез в коляске, а другие лежат в поле. Пока нет гостей, пошли сейчас Павлушку взять их». На что брат отвечает: «Какие там почки? обростили вы что ли?». «Просто заяц лежит, — смеясь, отвечал дяденька. — Дорогой я его подзрел».³⁷

Итак, в поле остался заяц на лежке, то есть живой и невредимый, но примеченный дядюшкой. В коляске же у него лежал, надо полагать, другой заяц, подстреленный по дороге. В дальнейшем братья решают поехать сами и подстрелить спрятавшегося русака, причем один стреляет в зайца «на лежке», а другой «в бег». Однако на этот раз оба промахиваются. Лишь мальчику, которого они взяли с собой, удается впервые в жизни попасть в цель и заслужить похвалы взрослых. «Радость моя в ту минуту была так велика, — писал Фет, — что ее хватило на всю жизнь».³⁸

А нам остается понять, почему дядюшка, говоря о подбитом и оставшемся в поле зайцах, воспользовался именно такой метонимией — назвав не уши, не хвост, не тушку, не печень, а *заячьи почки*. Дело в том, что именно почки заячьи верченые (то есть зажаренные на вертеле) считались деликатесом, их подавали даже к царскому столу (они значатся, например, в меню Ивана Грозного, которое хранится в музее-заповеднике «Александровская слобода»). Неудивительно, что в пьесе М. А. Булгакова «Иван Васильевич» (1936) они попали на царский стол, а оттуда в фильм Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» (1973). Так что шутка Петра Неофитовича имела вполне реальное основание и была понятна окружающим.

Новия Цемля, или Об одном географическом открытии Йозефа Мортимера

Подробно освещая быт пансиона Крюммера, где ему пришлось проучиться целых три года (при поступлении он был зачислен в третий класс), Фет не без юмора описывает некоторые занятия и учителей, преподававших разные предметы. При этом его воспоминания вполне могли бы послужить достоверным источником для истории этого учебного заведения, настолько подробно мемуарист воссоздает распорядок дня учащихся, уроки и даже их ежедневное меню. При

---

³⁷ Фет. ССчП. Т. 3. С. 118.

³⁸ Там же. С. 120.

всем уважении к директору Г. Крюммеру и другим учителям, к самим строгим порядкам пансиона, готовившего своих учеников для поступления в Дерптский университет, Фет нередко позволяет себе весьма иронические реплики. Так, рассказывая об уроках истории, которые он называет «истинным бедствием», бывший пансионер вспоминал: «Вместо общего знакомства с главнейшими периодами и событиями, учитель третьего класса расплывался в неистощимых подробностях о Пипине Коротком, Карле Великом и Генрихе Птицелове, так что я наконец не умел различить этих скучных людей одного от другого. К этому я должен для краткости присовокупить, что быть может весьма ученый преподаватель истории во втором классе, где я пробыл два года, буквально из году в год, стоя перед нами и пошатываясь за спинкою стула, вдохновенно повторял рассказы о рыжих германцах, которые на своих пирах старались отпивать ступеньки лестницы, поставленной в бочку с пивом. Но так как проверок по этому предмету было очень мало и многоречивый учитель охотнее спрашивал наиболее внимательных и способных учеников, то в начале следующего года я учительской конференцией с директором во главе был переведен, ввиду успехов моих в математике и в чтении Цезаря, во второй класс».³⁹ Не забыл Фет и постоянное чувство голода, которое он испытывал во время учебы в пансионе, где кормили простой пищей, к тому же не досыта, как дома.

Однако встречаются в его повествовании не очень понятные места. Так, описывая один из уроков географии, который вел «многоученный» педагог Йозеф Мортимер, Фет пишет: «В третьем классе Мортимер давал нам уроки географии перед немymi картами издания самого Крюммера. Когда, по указанию прутика на один из островов Ледовитого океана, никто не умел назвать острова, Мортимер пояснил, что это *Новия Земля*».⁴⁰

Что же это за загадочный остров в Северном Ледовитом океане, которого вовсе нет на современных картах? Попробуем «перевести» название в латинский шрифт и получим... *Novija Zemlia*. Выходит, «многоученный» немец произносил русское название *Новая Земля* на немецкий лад, и речь шла об одном из двух больших островов этого архипелага, расположенного между Баренцевым и Карским морями. Два больших острова — Северный и Южный, как и множество мелких островов, — разделены узким проливом Маточкин Шар. Предположительно архипелаг Новая Земля был открыт еще в XII—XIII веках новгородскими купцами, во всяком случае русское название архипелага

³⁹ РГ. С. 89. В пансионе Крюммера классы нумеровались по нисходящей.

⁴⁰ Там же. С. 88.

не подлежит сомнению. А вот на какой из островов — Северный или Южный — указывал прутиком «многоученый» Мортимер, мы теперь никогда не узнаем. Ведь карта была «немая», то есть контурная, без географических названий.

Кому принадлежал «картуз Жукова»

Есть в воспоминаниях Фета об учебе в пансионе Крюммера загадочная фраза: «В комнате Гульча я из только что начатого фунтового картуза Жукова набил предварительно вычищенную мною трубку и, вырубив огня, раскурил ее самым лакомым образом».⁴¹

Из предыдущего повествования читатель узнает об учителе математики Фердинанде Гульче, который, как признается Фет, оказал существенное влияние на формирование его личности. «Обрисовать в своем воспоминании почтенную личность Гульча значит не только воспроизвести весь второй класс, но указать отчасти и на те нравственные складки, которые сложились в душе моей под руками этого незабвенного наставника».⁴² Что же так привлекало юношу Фета в личности «почтенного наставника»?

Противопоставляя его педагогическую методику своим «деревянными учителям-семинаристам», которых немало сменилось во время домашнего обучения, Фет подчеркивает умение учителя продвигаться «плечо в плечо с учеником» на пути постижения предмета. «При ответах ученика его не столько раздражало незнание, сколько небрежность, мешавшая логически поискать темносознаваемого ответа», — вспоминал Фет. Во всем Гульч требовал «систематической и логической отчетливости». Даже немислимая строгость (Гульч, к примеру, требовал от учеников для закрепления темы решить 50 задач нового вида, и стоило ошибиться хотя бы в одной, ученик получал новую порцию) не отвращала учащихся от учителя, отличавшегося в остальном добродушным и незлобивым характером. Судя по тому, с какой любовью описывает Фет шутки самого Гульча и проказы над ним озорных мальчишек, этот учитель остался в его памяти как один из самых достойных. Недаром и сам юноша стремился отличиться, попробовав однажды решить неразрешимую задачу «трисекции угла» с помощью циркуля и линейки. Шутил ли учитель, когда поначалу признал его решение правильным, или в самом деле поверил в необыкновенные способности ученика, сказать трудно, но закончился этот математиче-

---

⁴¹ Там же. С. 92.

⁴² Там же. С. 90.

ский опыт тем, что Гульч обнаружил в доказательствах ошибку и громко расхохотался. Бедный мальчик, поначалу онемевший от восторга, должен был признать свой промах. Из рассказа о Гульче мы узнаем также, что Фет, «умевший несколько рисовать», однажды изобразил на доске черноморскую лошадь настолько похоже, что вызвал восторженный смех учителя. Воспользовавшись добрым отношением Гульча, Фет предложил ему как-то раз сбегать к нему в комнату и набить для него трубку. Вот тут-то и появилась в рассказе фраза, приведенная в начале.

Что же за *фунтовый картуз Жукова* нашел в комнате учителя Фет? Из контекста ясно, что речь идет о табаке, которым ученик набил предварительно вычищенную фарфоровую трубку, однако продолжение фразы добавляет новых загадок, поскольку после этого он, «вырубив огня, раскурил ее самым лакомым образом». Что значит «вырубив огня» и почему раскуривание трубки было произведено «самым лакомым образом»? Оказывается, *вырубить огонь* означает то же, что высечь его из кремня, просто выражение это устарело, а вот смысл определения «лакомый» по отношению к раскуриванию трубки раскрывается далее: «Возвращаясь через двор с пылающей трубкой, я с таким усердием затягивался благовонным дымом Жукова, что чуть среди двора не упал от головокружения. Тем не менее трубка была доставлена по принадлежности <...>». ⁴³

А что же все-таки означал *фунтовый картуз Жукова*? Разумеется, не головной убор какого-то неведомого Жукова, а бумажный пакет или мешочек, набитый табаком. В. И. Даль среди прочего дает следующие значения: «бумажный мешочек; *артил.* шерстяной мешок с зарядом пороха, для пушки, мортиры. <...> *Картуз табаку*». Отсюда и значение прилагательного «картузный»: «*Картузная бумага*, толстая, простая, в больших листах; большая оберточная». Итак, нам остается узнать, сколько же весил початый «фунтовый картуз» табаку. Эта не употребляемая ныне мера веса равнялась 410 граммам. А вот имя Жукова, заменившее в приведенной фразе слово «табак», достойно того, чтобы рассказать о нем подробнее.

Несмотря на всероссийскую славу, вполне достоверных сведений о ранней биографии купца 1-й гильдии Василия Григорьевича Жукова почти не сохранилось. Даже точная дата его рождения оспаривается исследователями. Принято считать, что В. Г. Жуков родился в 1796 году в г. Порхов Псковской губернии в небогатой, если не сказать бедной мещанской семье. В детстве ему приходилось пасти скот, плести лапти и даже собирать милостыню. Приехав в Петербург обучаться

⁴³ РГ. С. 92.

столярному делу, юноша подрабатывал маляром, дворником, наконец, плотником и рабочим сцены в Большом театре. По случаю устроился подмастерьем у резчика табака на небольшой табачной фабрике, а через некоторое время решил открыть собственное табачное дело, в чем и преуспел. Жуковский табак стал настолько популярным, что накопленных средств хватило на открытие фабрики на левом берегу Фонтанки. Сообразительный подмастерье сумел наладить работу фабрики, применяя прогрессивные методы управления. При фабрике было построено жилье для рабочих, больница, открыта сберегательная касса. Словом, к 30-м годам XIX века Жуков стал не только богатейшим, но и одним из самых знаменитых людей России. Достаточно сказать, что на известной картине Г. Чернецова «Парад по случаю окончания военных действий в Царстве Польском 6 октября 1831 года на Царицыном лугу в Петербурге» среди 232 изображенных есть и портрет В. Г. Жукова (под № 201). Картина создавалась по личному указанию Николая I (который, по преданию, сам высоко ценил табак Жукова) в 1832–1837 годах, как раз в то время, когда Фет учился в пансионе Крюммера. Однако слава и богатство не остановили предприимчивого коммерсанта. Он продолжал развивать новые проекты. Так, уже в 1840-е годы им были построены бани на Екатерининском и Обуховском проспектах, открыты бумажная, масляная и полотняная фабрики, а также мыловаренный завод в родном Порхове. Попутно Жуков приобретал чины и звания: он стал надворным советником, почетным гражданином, входил в городское управление Петербурга, был членом многих попечительских советов. Редкий случай: фантастическое богатство (у Жукова было несколько домов в Петербурге) не помешало ему приобрести славу щедрого благотворителя. Вот такая неординарная личность стояла за весьма прозаическим понятием «картуз Жукова», «затянуться Жуковым». Умер В. Г. Жуков в 1882 году и был с почестями похоронен на Митрофаньевском кладбище в Петербурге.

Нам остается сказать, что на страницах «Ранних годов моей жизни» «картуз Жукова» появляется еще раз, во время ночевки Фета в заброшенном доме одного приятеля дяди Петра Неофитовича. Отправившись в те места на охоту во время вакаций, уже студент-Фет перед сном читает надпись «на табачном картузе»: «лучший американский табак Василия Жукова; можно получать на Фонтанке, в собственном доме <...>».⁴⁴ Встречается Жуков и в повести «Дядюшка и двоюродный братец» (1855), где учитель-семинарист время от времени уходил из классной в соседнюю комнату «потянуть перед топящейся печкой жукова», а после прятал «запрещенные орудия удоволь-

---

⁴⁴ Там же. С. 187–188.

ствия» под подушку.⁴⁵ Пристрастившись с юности к табаку, Фет оставался заядлым курильщиком до 1888 года, когда под влиянием развивающейся астмы все же бросил многолетнюю привычку. Свою же проделку с любимым учителем Гульчем юный любитель табака повторял еще не раз. «...Черноморка на классной доске, — признавался Фет, — неоднократно доставляла мне удовольствие затянуться Жуковым».⁴⁶

---

⁴⁵ Фет. ССчП. Т. 3. С. 22.

⁴⁶ РГ. С. 92.